

УДК: 821.161.1
На правах рукописи

Кудрявцева Елена Михайловна

**КАРАМЗИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
1860-Х — НАЧАЛА 1870-Х ГГ.**

Специальность: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2026

Работа выполнена на кафедре русской литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Михновец Надежда Геннадьевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Новикова Елена Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Тоичкина Александра Витальевна

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук»

Защита состоится «**08**» **октября 2026** года в **16 часов** на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.11, созданного на базе Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, по адресу: 199053, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 52, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп.5) и на сайте университета по адресу:

https://disser.herzen.spb.ru/Preview/Karta/karta_000001251.html

Автореферат разослан «_____» июня 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Дымарский
Михаил Яковлевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Внимание Ф. М. Достоевского к Н. М. Карамзину оставалось неизменным на протяжении всего его творчества. Фигура Карамзина занимала одно из центральных мест в системе представлений писателя о развитии русской литературы и истории.

1860-е гг. — переломный период в осмыслении Достоевским карамзинского наследия. В начале десятилетия писатель концентрирует свое внимание на двух важнейших проблемах текущей действительности. С одной стороны, Достоевский интересуется современным человеком, который стремится познать себя и мир вокруг, но, не осознавая глубоко укорененной в нем потребности веры в Бога, пытается найти опору в философии позитивизма и нигилизма. С другой стороны, он размышляет о народе, который самостоятельно ищет пути для сохранения православной веры и традиционных устоев в эпоху «Великих реформ», но так и не преодолел церковного раскола, начавшегося еще в середине XVII в. и сопровождавшегося на протяжении последующих столетий распадом на старообрядческие согласия и многочисленные секты.

Настоящая работа посвящена исследованию значения художественного и исторического наследия Карамзина в творчестве Достоевского 1860-х — начала 1870-х гг. в аспекте осмысления романистом феномена современного человека и народного религиозного сознания.

Изучение корпуса художественных и публицистических текстов, созданных Достоевским в указанный период, позволяет внести значительные дополнения в уже существующие представления о месте и роли фигуры и произведений Карамзина в творчестве романиста, а также обосновать квалификацию периода 1860-х гг. как особого, переломного в его восприятии карамзинского наследия.

Актуальность работы обусловлена углубленным вниманием современного литературоведения к разнообразным общественным тенденциям, складывавшимся в русской культуре 2-й половины XIX в. Для современного достоевсковедения разностороннее рассмотрение и тщательное изучение обширного историко-культурного контекста является важнейшим условием дальнейшего постижения истории становления и развития антропологических и историософских воззрений Достоевского.

Степень разработанности проблемы.

Влияние сентиментализма Карамзина на произведения докаторжного периода творчества Достоевского рассматривается трудах В. В. Виноградова, Э. М. Жиликовой, Е. Г. Новиковой, И. Л. Волгина, А. Б. Криницына, И. Померанцева, Е. Г. Николаевой, Т. А. Алпатовой, А. В. Чичерина.

Устойчиво представление, что Карамзин как писатель-сентименталист занимал важное место в контексте раннего творчества Достоевского («Бедные люди», «Белые ночи», «Слабое сердце», «Маленький герой»), но на исходе этого периода произошло существенное изменение. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» «карамзинский слог», согласно В. А. Туниманову, становится объектом пародирования, вместе с тем Карамзин-историк остается неоспоримым авторитетом для писателя.

Место и роль карамзинского наследия в контексте творчества Достоевского 1860-х — начала 1870-х гг. специально не изучались. Отдельные аспекты истории обращений романиста к творчеству Карамзина в указанное десятилетие нашли освещение в исследованиях А. С. Долинина, В. А. Туниманова, А. В. Архиповой, Е. Г. Новиковой, К. Г. Исупова, А. Б. Криницына, И. Померанцева, Н. Н. Подосокорского, А. Ю. Соловьева, Ю. А. Поповой, Д. П. Ивинского, Ч. Арндта. Предметом изучения стали осмысление Достоевским проблемы «Россия — Европа» в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Идиоте» с опорой на историософские взгляды Карамзина, роль имени Лиза в «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Бесах», а также влияние публицистики Карамзина на разработку образов героев в романе «Идиот».

Изучение антропологических и историософских взглядов Достоевского основывается на работах отечественных и зарубежных ученых, посвященных — жизни и творчеству Карамзина: Ю. М. Лотмана, Н. Д. Кочетковой, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана, В. Н. Топорова, Ф. З. Кануновой, В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Н. Я. Эйдельмана, Б. А. Успенского, Л. А. Сапченко, С. О. Шмидта, А. Л. Зорина, А. С. Немзера.

В работе автор также опирается:

— на труды отечественных критиков, публицистов, писателей, поэтов и философов конца XVIII–XIX вв.: И. А. Крылова, П. И. Шаликова, П. И. Макарова, А. С. Шишкова, П. А. Вяземского, Кс. А. Полевого, К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, С. П. Шевырева, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Ап. Григорьева, М. И. Владиславлева, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, Н. Н. Страхова, А. Н. Пыпина, П. А. Плетнева, Я. К. Грота, О. Ф. Миллера, П. К. Щебальского;

— на труды историков XIX в.: Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, М. П. Погодина, К. Н. Бестужева-Рюмина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, В. И. Герье.

Методологической и теоретической основой исследования послужили работы, посвященные проблемам теории литературы: М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, С. Г. Бочарова, М. Н. Виролайнен, Н. Д. Тамарченко; эстетическим принципам сентиментализма: Н. Д. Кочетковой, А. Г. Кросса, Е. И. Ляпушкиной, А. Г. Степанова, П. Тиргена; вопросам теории текстологии: Д. С. Лихачева, С. М. Бонди, Б. В. Томашевского, Г. О. Винокура, А. Л. Гришунина, Н. А. Тарасовой; поэтике экфразиса: Л. Геллера, Н. М. Перлиной, Е. Г. Новиковой, Н. Е. Меднис

Системный метод позволил обобщить все упоминания Достоевским с 1846 г. по август 1880 г. имени и художественных и исторических произведений Карамзина, а также выявить 1860-е гг. как особый и разноплановый период в осмыслении романистом карамзинского наследия. *Историко-культурный метод* был применен при описании рецепции карамзинского наследия образованной частью русского общества как в 1820-е — 1850-е гг., так и в 1860-е гг., в частности в 1866 г., в год 100-летия историографа, а также при выявлении специфики соотношения фигур Карамзина и Сперанского в творческом сознании

романиста. *Историко-литературный метод* был необходим для определения места и роли наследия Карамзина в творчестве Достоевского 1860-х — начала 1870-х гг. в плане антропологических и историософских открытий романиста. *Сравнительный метод* был использован при анализе функций «лизинового текста», значения идиллического хронотопа, а также места и роли экфразиса в повести «Записки из подполья».

Достоверность результатов исследования обеспечивается применением адекватных цели, объекту и предмету методов исследования, всесторонним изучением теоретического материала и подробным анализом художественных и публицистических текстов в соответствии с существующими в науке методами и подходами.

Материалом исследования послужили повесть «Бедная Лиза» Карамзина, повесть «Записки из подполья», романы «Идиот» и «Бесы» Достоевского, а также подготовительные материалы (далее *ПМ.* — *Е. К.*) к роману «Бесы»; «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811), 9-й том «Истории государства Российского» (1821) Карамзина, 18-й том «Истории России с древнейших времен» (1868) и «Публичные чтения о Петре Великом» (1872) С. М. Соловьева; статья «Народность и литература» (1861) Ап. Григорьева, рецензия «Жизнь графа Сперанского. Два тома. Изд. императорской публичной библиотеки. Соч. барона М. Корфа. СПб., 1861 г.» (1861) и статья «Карамзин. Неизданные сочинения и переписка. Часть I. СПб., 1862» М. И. Владиславлева; статьи «Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 год», «“Свисток” и “Русский вестник”» (1861), «Два лагеря теоретиков. (По поводу “Дня” и кой-чего другого)» (1862), «Смятенный вид» (1873) Достоевского.

Объект исследования — историософские и антропологические воззрения Достоевского 1860-х — начала 1870-х гг.

Предметом исследования является значение карамзинского наследия в творчестве Достоевского 1860-х — начала 1870-х гг.

Цель работы заключается в выявлении места и роли исторического и художественного наследия Карамзина в прозе Достоевского 1860-х — начала 1870-х гг.

Исходя из цели, сформулированы следующие **задачи**:

1. Систематизировать все обращения Достоевского к фигуре Карамзина и его произведениям — как историческим, так и художественным.

2. Проследить историю осмысления Достоевским в 1860-х — начале 1870-х гг. художественного творчества и историософии Карамзина.

3. Провести сравнительный анализ повестей «Бедная Лиза» Карамзина и «Записки из подполья» Достоевского и выявить значение карамзинской повести в процессе формирования представлений Достоевского о феномене современного человека.

4. Описать культурный диалог, развернувшийся в русском образованном обществе вокруг празднования 100-летия Карамзина в 1866 г.

5. Рассмотреть старообрядческую и сектантскую темы в романах «Идиот» и «Бесы».

6. Проанализировать *ПМ* к роману «Бесы» в русле осмысления Достоевским-художником исторического наследия Карамзина.

Научная новизна работы определяется следующим:

1. Впервые выделен, проанализирован и системно описан период 1860-х — начала 1870-х гг. как самостоятельный и переломный в понимании Достоевским карамзинского наследия.

2. Впервые осмыслено значение карамзинского наследия в творчестве Достоевского 1860-х — начала 1870-х гг. как важнейшего в процессе постижения им феномена современного человека и народного сознания.

3. Впервые исследовано влияние повести Карамзина «Бедная Лиза» на «Записки из подполья» Достоевского в антропологическом аспекте (внимание к внутреннему миру человека, погруженному в неразрешимые коллизии), а также в аспекте функционирования идиллического хронотопа и экфразиса, связанных с проблемой идеала (ориентация человека на «книжную», а не «живую» действительность).

4. Установлено, что исторические труды Карамзина и Соловьева соотносились Достоевским в процессе осмысления проблемы единства русского народа в период от Древней Руси до 2-й половины XIX столетия как преемственные.

5. Исправлен и дополнен текстологический комментарий фрагмента *ПМ* к роману «Бесы»: «Кто: Сперанский или Карамзин?».

6. Выявлено, что усвоение карамзинского наследия было тесно связано с процессом формирования почвеннических воззрений Достоевского в начале 1860-х гг., а также с утверждением в дальнейшем фигуры Пушкина как «всецеловека» (от начала 1870-х гг. к «Пушкинской речи»).

Положения, выносимые на защиту:

1. 1860-е – начало 1870-х гг. — принципиально новый и переломный период в постижении Достоевским творчества Карамзина. С опорой на карамзинскую «Записку о древней и новой России», знакомство с которой произошло в 1862 г., писатель впервые рассматривает следствия реформ Петра I критически, имея в виду как феномен современного городского человека, оторванного от «почвы», так и углубляющийся раскол в русском обществе. Два этих важнейших, по мысли Достоевского, следствия были тесно связаны в его сознании и по-разному соотносились в творчестве 1860-х – начала 1870-х гг.

2. Важнейшим фактором для формирования в повести «Записки из подполья» типа подпольного парадоксалиста как городского одинокого, усиленно мыслящего человека, оторванного от «почвы», стало карамзинское открытие в повести «Бедная Лиза» феномена «книжного сознания», находящегося в разладе с действительностью. Достоевский, постигая тенденции современности, расширил представление об этом феномене: литературность мышления, манипулирование как литературным, так и сакральными текстами ставит подпольного героя в положение неразрешимого конфликта с «живой жизнью».

3. Нарастающий интерес к историческому наследию Карамзина нашел свое выражение в размышлениях Достоевского о русском народе, часть которого относится к разным старообрядческим согласиям и сектам. В рассмотрении проблемы единства народа писатель опирается на «Историю государства Рос-

сийского» Карамзина и «Историю России с древнейших времен» Соловьева. Эти «Истории» в плане освещения старообрядчества и религиозных сект Достоевский рассматривал как преемственные. Итогом соотнесения стала его мысль о неустойчивом, шатком положении современного русского народа, который не преодолел двухсотлетнего раскола, в силу чего может поддаться манипуляциям либеральной демократии, якобы «идушей в народ», и поддержать революционные идеи.

4. Начиная с романа «Идиот» и в период работы над романом «Бесы» историко-софское карамзинское наследие положило начало разработке художественного замысла в аспектах осмысления феномена народного сознания и современного человека. С 1861 г. Достоевский идеологизировал и противопоставлял фигуры Карамзина и Сперанского в контексте осмысления двух возможных путей развития России — самобытного или прозападного. Спор консерваторов и нигилистов 1870 — 1872 гг., привлечший внимание Достоевского, лег в основу работы над романом «Бесы»: в *ПМ* эта важная проблемно-тематическая перспектива намечена записью «Кто: Сперанский или Карамзин?»». Далее с фигурой Сперанского романист соотносил образ Нечаева (будущего Петра Степановича Верховенского), а с фигурой Карамзина — образ Великого писателя Кармазинова.

5. В окончательном тексте романа «Бесы» образ Кармазинова восходит не собственно к фигуре Карамзина, но, с одной стороны, к славянофильской интерпретации историографа 1840-х — 1850-х гг., а с другой — к писателю-западнику И. С. Тургеневу. Однако сохраненное в фамилии подспудное упоминание Карамзина отсылает не только к дискуссиям западников и славянофилов 1850 — 1860-х гг., но прежде всего к факту невнимания современников к карамзинской мысли о возможности самобытного развития России благодаря диалектическому сопряжению старого (допетровского) и нового (европейского) начал в движении русской истории. В *ПМ* и в романе «Бесы» Шапошников (Шатов), Кириллов и Ставрогин находятся вне этого знания, что определяет характер их идеологических исканий.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении представлений об устойчивых тенденциях историко-литературного процесса 2-й половины XIX в., в частности в углублении знаний об историко-софских и антропологических взглядах Достоевского, испытавших на себе влияние творчества Карамзина, а также в уточнении историко-культурного и историко-литературного контекстов повести «Записки из подполья», романов «Идиот» и «Бесы».

Практическая значимость работы обусловлена тем, что ее результаты использованы в дополнениях к реальному и историко-литературному комментарию 12-го тома нового Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского, издаваемого ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, а также могут быть применены при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий по истории русской литературы второй половины XIX века в высших учебных заведениях.

Апробация работы. Основные результаты исследования опубликованы в 3 работах в рецензируемых научных журналах, которые рекомендованы ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Основные положения диссертации были представлены в форме докладов на международной научной конференции молодых ученых «Гуманитарные науки: пересекая временные и культурные границы» в Латвийском университете (Рига, 2020), международной научной конференции «Ф. М. Достоевский в диалоге культур: взгляд из XXI века» в Государственном институте искусствознания, научно-исследовательском центре им. В. В. Высоцкого по изучению русского языка и культуры факультета гуманитарных наук, языков и глобальных исследований Университета Центрального Ланкашира (Москва, 2021), международной конференции «Аксиологические основы русской литературы. К 200-летию со дня рождения А. А. Фета» в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, 2022), XLVIII международной конференции «Достоевский и мировая культура» в литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (2023), всероссийской научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы русской словесности» в Костромском государственном университете (2023), L международной конференции «Достоевский и мировая культура» в литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (2025).

Объем и структура работы обусловлены постановкой ключевой проблемы и решением исследовательских задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и приложения, в котором представлена систематизация 69 обращений Достоевского к Карамзину. Общий объем работы — 180 страниц. Библиография включает 241 позицию.

Список использованной литературы содержит научные источники (218 наименований), словари и справочники (5 наименований), художественные и публицистические тексты (18 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и новизна темы диссертации, определяются цель и задачи исследования, описываются его материал, методологические принципы, теоретическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Фигура Н. М. Карамзина в историко-литературном осмыслении в 1820-х — 1860-х гг.»** рассматривается история восприятия фигуры Карамзина — сентименталиста и историографа — как в целом русском образованным обществом XIX в., так и Достоевским.

На протяжении всей жизни карамзинские художественные и исторические произведения ассоциируются у Достоевского с детскими воспоминаниями о чтении в семейном кругу. В начале творческого пути, в 1840-е — начале 1850-х гг., он, с одной стороны, воспринимает Карамзина как писателя-сентименталиста. С другой — представления о карамзинском наследии в эти десятилетия и позже определяются общественной полемикой вокруг него.

В целом оценка общественной мыслью 1820-х — 1850-х гг. Карамзина и его художественных и исторических произведений была двойственной: признание в качестве образцовых и выражающих «народный дух» сентиментальных повестей и «Истории» сочеталось с критикой как языковых заимствований, так и антинационального, как представлялось противникам Карамзина, характера исторической концепции.

В 1840-е гг. официальная власть последовательно формировала образ Карамзина как первого русского народного историка. Процесс мифологизации его фигуры сопровождался полемикой славянофилов и западников. В статьях В. Г. Белинского и А. С. Хомякова, а также в не опубликованной в XIX в. речи идеолога славянофильства К. С. Аксакова в отрицательном ключе подчеркивался европейский взгляд Карамзина на русскую историю и ставились под сомнение достоверность и беспристрастность его «Истории».

Период 1860-х гг. — особый в восприятии Достоевским творчества Карамзина. Изменению в представлениях писателя о карамзинском наследии способствовало несколько факторов.

В 1850-е — 1860-е гг. карамзинский исторический труд вошел в контекст острых дискуссий вокруг проблемы «Россия — Европа», за ходом которых внимательно следил Достоевский. В частности, был знаком со статьями Н. А. Добролюбова, который настаивал на «антинациональном» характере «Истории» и объяснял его аристократизмом Карамзина, а также Ап. Григорьева, рассматривавшего историографа как предшественника и славянофилов, и западников.

Кроме того, фигура историографа начала соотноситься в сознании Достоевского с фигурой государственного деятеля М. М. Сперанского благодаря знакомству с рецензией М. И. Владиславлева на книгу барона М. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (1861).

Владиславлев впервые в истории русской мысли противопоставил Сперанскому Карамзина в качестве положительного примера, привлекая для этого карамзинскую «Записку о древней и новой России». В ней, по мнению критика, историограф сравнивал политическую жизнь древней Руси и современной ему Российской империи не в пользу последней: он критически осмыслял реформы Петра Великого, которые привели русское дворянство к утрате национальной самобытности. Таким образом, по его мнению, Карамзин предостерегал императора Александра I от увлечения либеральной политикой, проводимой Сперанским. Сравнивая фигуры двух государственных деятелей, Владиславлев заключал, что деятельность Сперанского не имела успеха в силу отсутствия внимания к русскому народу и игнорирования его интересов. Эта мысль, навеянная критикой «Запиской» Карамзина, была чрезвычайно важна для Достоевского, который в начале 1860-х гг. формулирует почвеннические идеи.

Третьим важным фактором для формирования нового понимания Карамзина стало непосредственное знакомство Достоевского во время европейского путешествия 1862 г. с первым полным печатным изданием «Записки о древней

и новой России» (1861) Карамзина¹, а также, как предполагаем, с «Русским заграничным сборником: Карамзин и Сперанский» (1858).

Творчество Карамзина было впервые включено автором «Зимних заметок о летних впечатлениях» (1863) в широкий историко-культурный контекст, в частности в острые дискуссии по проблеме «Россия — Европа», в напряженные размышления о будущем пути России. После первого европейского путешествия для Достоевского стало важным критическое осмысление Карамзиным реформ Петра I. С опорой на карамзинское наследие писатель анализирует последствия петровских преобразований и закономерно обращается как к феномену современного человека, так и к истории народного религиозного сознания.

Вторая глава «“Бедная Лиза” Н. М. Карамзина в “Записках из подполья” Ф. М. Достоевского: познание феномена современного человека» посвящена сравнительному анализу повестей Карамзина и Достоевского в аспектах феномена «книжного сознания» и функционирования идиллического хронотопа.

В первой половине 1860-х гг. писатель в отдельных пассажах «Зимних заметок о летних впечатлениях», а также в повести «Записки из подполья» учитывает открытия Карамзина-сентименталиста в процессе познания феномена современного человека.

Отправной точкой для исследовательского сопоставления стали образы *homo legens* («читающих людей»). История Подпольного с Лизой типологически повторяет встречу Эраста и Лизы. Герои-мужчины ориентируются на свой «книжный», а не «живой» опыт общения и выстраивают отношения с девушками по известному им литературному образцу — идиллии. Однако Достоевский усложняет карамзинскую ситуацию: Подпольный, в отличие от Эраста, опирается на литературный опыт ради манипулирования душой Лизы и самоутверждения.

На проблемно-тематическом уровне в «Записках из подполья» актуализируется оппозиция «идиллия — антиидиллия», восходящая к «Бедной Лизе». В повести Карамзина мир идиллии прямо или опосредованно соотносился с героями. Эраст-читатель был знаком с этим жанром и воспринимает свои отношения с крестьянкой, в которую влюблен, в свете идиллии. Разлука с Эрастом и его предательство обусловили — по замыслу автора — трагический распад целостной действительности Лизы на идиллическую и антиидиллическую. В «Записках из подполья» Подпольный и Лиза никогда не были связаны с миром идиллии. В повести Достоевского встреча мечтателя и девушки происходит в публичном доме, они общаются после интимных отношений.

Оппозиция «идиллия — антиидиллия» в «Записках из подполья», в отличие от «Бедной Лизы», перемещена в другую проблемно-тематическую плоскость: она является средством манипулятивного воздействия одного героя на

¹ Впервые издано «без купюр» в Берлине, в Российской империи публиковалось только в отрывках.

другого. Подпольный рассказывает Лизе три истории о ее будущем, в том числе о семейной жизни, образ которой рисует с опорой на известные ему изображения Святого семейства. Картину семейного счастья Герой сопровождает отсылкой к библейскому тексту: «И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и подобию» (Быт. 1: 26). Подпольный, стремящийся манипулировать душой Лизы и претендующий на роль Творца, говорит ей: «<...> **твой образ и подобие примут**»² (полужирный шрифт мой. — Е. К.).

Достоевский усложняет проблемно-тематическую ситуацию «Бедной Лизы». Если Эраст, мечтая об идиллической жизни с Лизой, был не только вне представлений о самой возможности манипулировать ее чувствами, но в определенный момент и сам поверил в возможность реализации жизни в пасторальном духе, то Подпольный соединяет, импровизируя на ходу, идиллическое и сакральное ради самоутверждения за счет другого.

С образом Святого семейства в историю героев входит *центральный* ценностный ориентир в отношении всей повести — сфера сакрального. Для самого Подпольного избранный сакральный образ становится началом его же нравственного испытания. В момент спонтанного сочинения истории герой обнаружил в самом себе нечто искреннее, находящееся вне бунта против мира, и неожиданно для самого себя открылся в своих переживаниях Лизе. В этот момент в его душе возникает чувство стыда. Однако удержаться на нравственной высоте он не смог, и со злости, от охватившего его желания господствовать над ближним Подпольный делает Лизу ответственной за свои страдания и злобно мстит ей.

Как и героиня Карамзина, Лиза Достоевского находится вне книжных мечтаний героя и воспринимает образ Святого семейства вне импровизационной игры-манипуляции. Героиня, уже погруженная в быт проститутки, по всей видимости, именно после встречи с Подпольным принимает решение выйти из публичного дома. Герой, сознательно отнюдь не желая того, возрождает в молодой женщине искренние чувства и понимает, что не готов ответить на них взаимностью.

Героиня отреагировала на две библейские цитаты, которыми Подпольный предварил свои истории: «твой образ и подобие примут» и «положить душу за друзей своих». Герой знал сакральный текст, но не вникал в его смыслы и не соотносил с самим собой. Лиза же вступила на путь постижения истинного смысла библейских высказываний, и, может быть, сама того не понимая, пришла спасти героя от духовного хаоса, предложив ему в качестве опоры «живую жизнь».

Подпольный же, оставаясь лишь носителем «книжного сознания», в ответ мстит Лизе литературным жестом и повторяет «ситуацию откупа» из «Бедной Лизы». Сама ситуация подчеркнута травестирована Достоевским: пытаюсь совершить литературный ход, Подпольный предлагает Лизе не сто, как Эраст Лизе, а пять рублей, да еще и взятых в долг у столоначальника.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. Т. 5 / Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом) РАН. СПб.: Наука, 2016. С. 177.

Бесповоротный отказ Лизы Достоевского от денег свидетельствует: автор подчеркивает нравственное превосходство Лизы над Подпольным, а также связывает с ней надежду на действительное возрождение и на «живую жизнь» вне публичного дома.

Создавая в «Записках из подполья» образ человека читающего и сочиняющего, Достоевский включен в процесс познания феномена человека XIX столетия. История Эраста и Лизы в повести «Бедная Лиза» Карамзина стала для Достоевского сюжетно-фабульной, проблемно-тематической основой в процессе размышления над сложностью внутреннего мира современного человека.

Третья глава «Карамзин в осмыслении Достоевского в 1860-е гг.: на пути к роману “Бесы”» посвящена рассмотрению исторического наследия Карамзина в контексте творчества романиста.

В первой половине 1860-х гг. Достоевский осваивал творчество Карамзина-писателя и Карамзина-историка по отдельности. Затем, после широкого празднования 100-летия Карамзина в 1866 г., романист впервые опирается на историческое карамзинское наследие в процессе художественного постижения современной действительности, в частности, масштабного явления старообрядчества и религиозных сект.

Проблема раскола особенно остро встала перед романистом в начале 1860-х гг. Раскол понимался Достоевским не только как явление русской религиозной жизни и свидетельство разрыва в обществе, который необходимо преодолеть, но и как крупный процесс отечественной истории. С точки зрения писателя, невнимательное, «теоретическое» отношение к расколу мешает в полной мере понять сложный путь, пройденный со второй половины XVII в. русским народом, пытающимся — несмотря на жесточайшие преследования со стороны государства — сохранить свою веру и проявившим тем самым свою духовную самобытность и самостоятельность. Без учета духовного потенциала, заключенного в многовековой народной жизни, по мысли Достоевского, невозможно будущее гармоничное развитие России.

Размышляя над явлением раскола в 1860-е гг., Достоевский опирается на исторические концепции Карамзина и Соловьева, ставя их в отношения преемственности. В «Записке о древней и новой России» Карамзина Достоевскому важна мысль, что причина раскола кроется в ослаблении Православной Церкви со времен реформ Петра. Из-за бездействия Церкви, по мысли романиста, усложняется процесс перехода³ старообрядцев в Православие. В «Истории» Карамзина, по представлениям Достоевского, была поставлена проблема единства русского народа, а в «Истории России с древнейших времен» (1868) Соловьев выделил проблемные процессы на пути народа к религиозному единству в лоне Православия и рассматривал его как залог единства политического.

³ Подчеркнем, что русское общество 2-й пол. XIX в. мыслило старообрядчество как отпадение от официальной Православной Церкви и как оппозиция по отношению к ней.

В романе «Идиот», который выходил в свет на фоне общего интереса русской образованной публики к фигуре Карамзина и его «Истории», преемственность исторических концепций, в частности, выражается в предложении Настасьи Филипповны Рогожину «образить себя» чтением «Истории» Соловьева. Сравнение фрагментов романа, в которых описан уклад жизни отца Рогожина, с «Очерком быта и верований скопцов» В. И. Калатузова допускает рассмотрение формулы «образить себя» в связи с остроактуальной, согласно Достоевскому, проблемой религиозного раскола. «Образить себя» в контексте высказывания героини означает — не стать участником секты, но, напротив, прочитать и осмыслить исторический труд, в котором описано и подвержено критике явление раскола и дальнейшее распадение народа на многочисленные секты.

В главе 4 «Карамзинское наследие в подготовительных материалах к роману “Бесы”» выявлены и проанализированы новые аспекты темы «Карамзинское наследие в романе “Бесы”».

В романе «Бесы» Достоевский продолжает рассматривать проблему религиозного раскола, но уже под новым углом зрения — манипулятивного воздействия на членов секты.

Петр Степанович Верховенский распространил на сферу революционных задач сектантскую мистическую легенду о лжехристе: организовал «пятерку» и выдумал легенду о Николае Ставрогине — Иване-Царевиче. Петр Степанович пытается воздействовать на народное сознание с помощью тех методов, которые ранее в том же народе и появились, но подменяя при этом смыслы. Достоевский, опираясь на исторические концепции Карамзина и Соловьева, убежден, что народ стремится к объединению под началом Православной церкви. Его герой, Петр Степанович, как будто вторит этому, но ориентируется на легенды русского народа о царевиче-избавителе, которые сопровождали крестьянские восстания 1860-х гг. Петруша Верховенский, по мнению романиста, является продолжателем дела Петра I и идет по пути дальнейшего разрушения, планируя «раскачку» и смуту в России.

В *ПМ* к роману «Бесы» историческое и художественное карамзинское наследие в творческом сознании Достоевского сближаются. Разработка образов Кармазинова и Петра Верховенского шла с опорой на соотнесение фигур Карамзина и государственного деятеля М. М. Сперанского.

Запись «Кто: Сперанский или Карамзин?» в *ПМ* к роману «Бесы» находится среди набросков, где стоят авторские даты, относящиеся к началу июня 1870 г. Датировка позволяет утверждать, что эта антитеза была знакома писателю с 1861 г. благодаря рецензии М. И. Владиславлева на книгу барона М. Корфа «Жизнь графа Сперанского» и является результатом собственных размышлений писателя, а не навеяна работами А. Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I» («Вестник Европы», 1870 г.) и Н. Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина» («Заря», 1870 г.), как ранее отмечали комментаторы 12-го тома Академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах (1975).

Антитеза «Сперанский или Карамзин» включена автором «Бесов» в контекст спора славянофилов и западников. В русле размышлений романиста о явлении раскола в народе (старообрядчество и религиозные секты) и русском обществе (оторванность образованного человека от «почвы») имя Карамзина, с одной стороны, соотносится с философией славянофилов как консервативной, с другой — противопоставлено фигуре Сперанского, которого Достоевский отождествлял с западниками.

Однако подобное соотнесение имеет сложную природу. Славянофилов Достоевский упрекал в «антикварном восприятии прошлого», называл их теоретиками и «мечтателями». После знакомства с «Запиской о древней и новой России» Карамзина в 1862 г. писатель стремится отличать свои собственные представления о русской литературе и истории — от *интерпретации* славянофилами карамзинских идей. В печатном тексте романа «Бесы» славянофильская интерпретация фигуры Карамзина отразилась в пародийном образе Великого писателя Кармазинова, вторым прообразом которого был И. С. Тургенев.

Скептицизм Достоевского по отношению к славянофилам объясняется тем, что они, по его мнению, пытаются претворить в жизнь «допетровский идеал», но предпринимают это без глубокого понимания народа и современности. В Сперанском Достоевский видел ту же черту — склонность к теоретизированию.

В корпусе записей Достоевского 1870-х гг. фигура Сперанского наделена не только характеристикой «теоретик», но и «семинарист», которая ассоциируется для романиста с нигилизмом и атеизмом, а также с оторванностью от народа и отсутствием чувства гражданского долга. Сперанский поставлен Достоевским в один ряд с Петром I, продолжателем дела которого в ПМ к роману «Бесы» назван Нечаев (будущий Петр Верховенский).

Достаточно обширный контекст историософских размышлений Достоевского, раскрытию которого способствует черновая запись «Кто: Сперанский или Карамзин?» к роману «Бесы», свидетельствует, что в сознании писателя фигуры Сперанского и Карамзина находятся рядом, но, будучи погруженными в историко-культурный контекст полемики славянофилов и западников, идеологизируются и получают новый смысл. Сперанский и Карамзин — знаковые имена в размышлениях Достоевского о двух возможных путях дальнейшего развития России. Если славянофилы («консерваторы»), с его точки зрения, утверждая допетровский идеал, являются по отношению к современной России лишь отвлеченными мечтателями, то западники («нигилисты») продолжают дело Петра I — разрушение традиционных основ.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и намечаются пути дальнейшего изучения темы от «Бесов» к знаменитой «Пушкинской речи» (1880). В 1870-е гг. у Достоевского складывалось более глубокое понимание историософии Карамзина. «Мечтательность» славянофилов могла быть преодолена, согласно романисту, карамзинской мыслью о распадении — вследствие реформ Петра I — старого и нового начал в русской культуре и о необходимости восстановить их *диалектическую связь* ради гармоничного раз-

вития России в будущем. Результатом осмысления Достоевским в 1860-е — начале 1870-х гг. художественного и исторического карамзинского наследия становится обобщение, выраженное в формуле о *всемирности, всечеловечности, всепонимании и всеотклике* — в речи о Пушкине. Этими качествами, по мнению Достоевского, обладал не Карамзин, но Пушкин — его имя является ключевым в разрешении дилеммы о духовном и историческом пути России. Тем самым — от Карамзина к Пушкину — Достоевский подходит к разрешению вопроса о русской самобытности.

Статьи в изданиях, включенных в перечень рецензируемых научных журналов

1. Кудрявцева Е. М. Экфразис «Святое семейство» в «Записках из подполья» (1864) Ф. М. Достоевского / Е. М. Кудрявцева // *Культура и текст*. – 2023. – № 3 (54). – С. 54–65. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2023-3-54-65> (0,98 а. л.).

2. Кудрявцева Е. М. Человек читающий и человек сочиняющий: «Бедная Лиза» (1792) Н. М. Карамзина и «Записки из подполья» (1864) Ф. М. Достоевского / Е. М. Кудрявцева // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. – 2024. – № 1 (25). – С. 62–91. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-62-91> (1,8 а. л.).

3. Кудрявцева Е. М. Сперанский или Карамзин: дилемма в романе Достоевского «Бесы» / Е. М. Кудрявцева // *Неизвестный Достоевский*. – 2025. – Т. 12. – № 2. – С. 72–88. <https://doi.org/0.15393/j10.art.2025.7961> EDN: VUHNJY (1,2 а. л.).

Другие научные публикации

4. Кудрявцева Е. М. Драма А. Р. Ленормана и спектакль М. Морэ «L'esprit souterrain»: особенность осмысления феномена «подполья» Ф. М. Достоевского / Е. М. Кудрявцева // *Материалы 22 Межвузовской студенческой научной конференции «Студент — Исследователь — Учитель»: [электронный ресурс]* / ред. кол.: Бочарова Н. А., Верба Н. И., Вологова Т. С. и др. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – С. 1552–1558 (0,81 а. л.).